

КУЛЬТУРА ТВЕРСКОГО КРАЯ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ВВЕДЕНИЕ В КУЛЬТУРУ РОДНОГО КРАЯ. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ЭТНОГРАФИЯ ТВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ В ЗЕРКАЛЕ ТРАВЕЛОГА

Е. Г. Милюгина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

Статья посвящена проблеме использования литературы путешествий в школьном краеведении. Представлены материалы тверских травелогов XVI—XIX вв., позволяющие обогатить содержание школьной краеведческой работы во всех ее направлениях: культурно-географическом, историческом, лингвистическом, литературном, музыкальном.

Ключевые слова: литературное краеведение, локальный текст, литература путешествий, травелог, традиционная культура, этнография, Тверской край.

Школьное краеведение во всех своих направлениях, таких как культурно-географическое, историческое, лингвистическое, литературное, музыкальное, основывается на исследовании локального текста. Под локальным текстом мы понимаем культурное пространство, специфику которого определяют населяющие его различные по этническим, социальным, профессиональным, возрастным характеристикам группы автохтонов и события местной истории, объединяющие группы в локальное сообщество [14]. Как системный объект, локальный текст сочетает в себе статические и динамические элементы. К статическим тяготеют градостроительное решение пространства, сорасположение в нем природных и культурных объектов, памятников истории и культуры. Однако бытование этих объектов, изменение их в потоке событий, процесс заполнения ими культурного пространства придают локальному тексту динамический характер. Среди локальных текстов разных масштабов приоритетно значимым для школьного краеведения является текст области и города (или иного населенного пункта), где расположено иницирующее краеведческую работу учебное заведение. Наиболее эффективным информационным ресурсом для

освоения исторически изменчивого текста края или города, его топонимики, сюжетики, символики, является, наряду с наследием автохтонов, литература путешествий.

Рассмотрим на материале традиционной культуры и этнографии Тверского края возможности травелогов как информационного ресурса для организации и проведения краеведческой работы в школе.

До начала XIX в. традиционная культура и этнография Тверского края фактически не привлекала внимания русских путешественников. Это особенно заметно при сравнении русских дорожных текстов с путевыми записками иностранных путешественников. Травелогии иностранцев начиная с XVI в. (с первого дошедшего до нас письменного свидетельства) пестрят разнообразными замечаниями об образе жизни тверитян, их обычаях, верованиях, праздниках и повседневности. Именно такие заметки составляют большую часть путевых дневников и записок, перемежаясь свойственными этому жанру сведениями географического и статистического характера.

Так, С. Герберштейн (1517) и А. Мейерберг (1661), путешествовавшие водным путем, пишут о разных типах рыбацких лодок и организации речных переправ; Я. Ульфельдт (1578) — о способах передвижения посуху [11, с. 21–29; 9, с. 160]. Вынужденные остановки во время пути побуждают путешественников к исследованию культуры повседневности и ментальности автохтонов. Мейерберг параллельно с дневником составляет альбом эскизов, где, помимо ландшафтных характеристик пути, отмечает факты социальной жизни тверской провинции: сухопутный и водный способы передвижения, используемые крестьянами типы судов, архитектурный облик жилых и культовых строений, состояние дорог, лугов и пашен [9, с. 171–179]. Н. Витсен (1665) во время остановки в Торжке зарисовывает городские и монастырские строения (Борисоглебский монастырь, церковь Вознесения), оставляя живые свидетельства о новоторжском деревянном зодчестве XVII в. Он фиксирует также традиции новоторжской кухни: «Первым блюдом были засахаренные сливы и огурцы, на второе подали курицу в бачке, на третье — кусок свинины с укусным соусом, который они ели ложками. Четвертое — какая-то странная жидкость <кисель>, которую тоже едят ложками. Пятое — паштет из мяса, с луком, чесноком и т. д.». Не оставляет он без внимания и особенности местного традиционного костюма («Одета она <купчиха> была богато: шапка вышита золотом и жемчугом. <...> У девушек в ушах и через плечи висят серебряные цепочки, на голове позолоченная бахрома») и социальные нормы поведения. Наиболее подробно Витсен описывает святки в Торжке и праздник Крещения Господня в Городне [11, с. 33–41].

А. Поссевино и П. Кампани (1581) обращают внимание на религиозную окраску повседневной культуры тверитян: «Мы заметили, когда были в Старице, что строители стен, возводившие крепость, начинали работу не раньше, чем, повернувшись к крестам, воздвигнутым на храмах, чтили их должным образом. Войдя в дом, они сначала, по обычаю, крестятся на крест или икону (а их принято помещать во всех домах на самом почетном месте) и только потом привет-

ствуют остальных. <...> У них нет обычая осенять знаком креста пищу, напротив, они осеняют им себя. Так же, если они протягивают что-нибудь, что имеет отношение к светскому обиходу, то крестят это; если же оно относится к церковному, то из религиозного чувства прикасаются ко лбу и вискам» [9, с. 139]. При всей религиозности тверитян, иностранные путешественники отмечают в их культуре и довольно сильный компонент язычества. Так, Ю. Юль и Р. Эребо (1709) запечатлели представление скоморохов в доме тверского коменданта: «Во время обеда по распоряжению коменданта <в горницу> вошло 16 <скоморохов>, которых, по его словам, у него имеется 60 человек. Они принялись дудеть, свистать, петь и куковать, каждый на свой лад, <представляя> разнообразное <пение> птиц в лесу. Свистали они так громко, что стена отражала звук, и хотя <все эти люди> стояли против меня, казалось, что они одновременно находятся и спереди, и сзади. Они сделали себе также кастаньеты из деревянных ложек с погремушками на концах и шелкали ими, играли на волынках и скрипках, плясали, забавно по-шутовски ломались, сгибались и бегали взад и вперед на карачках, свистели. Это представляло весьма своеобразное и веселое зрелище. <Став> в круг, они взлезали также друг к другу на плечи и с различными шутовскими повадками вырастали в башню» [11, с. 45–46]. Это довольно редкое свидетельство о форме бытования карнавальской культуры не только в Тверском крае XVIII в., но и в России того времени в целом.

Иначе сказать, иностранцы замечают, видят культуру и этнографию жителей Тверского края. Зафиксированные ими в травелогах наблюдения уникальны по информативности, поскольку зачастую являются единственными свидетельствами о традиционной локальной культуре соответствующей эпохи.

Понятно, что иностранные путешественники той поры воспринимают жителей Тверского края как носителей чужого, чуждого им традиционного сознания и культуры. Эта несхожесть культур провоцирует одновременно острый интерес к чужой традиции и, как правило, столь же острое ее отторжение. Так, в связи с отказом тверитян дать лошадей Ульфелдт делает далеко не лестное заключение о русском менталитете: «они <русские> достаточно упрямы, непокорны и склонны ко всякого рода порокам» [11, с. 29], хотя речь идет о попытке тверских крестьян сохранить от расхищения свое скудное добро, а эта черта свойственна беднякам всего мира и вряд ли связана с национальным менталитетом. Юль и Эребо, в тяжком похмелье после радушного пира у тверского коменданта, осуждают склонность русских к обильным возлияниям, хотя на пиру, судя по последствиям, не отставали от русских [11, с. 45–46]. Витсена шокирует свободное до разнузданности поведение новоторов во время святок: «Сегодня у них святой день <начало святок>, или, точнее, пьяный день: определенно весь город был пьян — все, кого мы ни встречали; даже многих женщин пришлось увозить домой в санях. В этот день поэтому мы услышали на наш счет некоторые грязные поговорки, и нас послали к местожительству немцев в Москве, что является оскорблением» [11, с. 36]. Однако на родине Витсена святочное поведение было не менее вольным: тому свидетельством ранние жанро-

вые сценки А. ван Остаде «В кабачке» (1631, Лувр), «Драка» (1637, ГЭ), «Сельский концерт» (1630-е, Прадо), которые, при всей своей гротескности, написаны на основе реальных впечатлений, или его же сцены из жизни современной Витсену Голландии: «Деревенский праздник» (ок. 1652, ГМИИ), «В деревенском кабачке» (1660, Дрезден, Картинная галерея старых мастеров), «Веселый пьяница» (1659), «Таверна» (1662, обе — Гаага, Маурицхейс). Вообще веселый пьяница — традиционный тип голландской жанровой живописи XVII в.: вспомним картину Ю. Лейстера «Веселый пьяница» (1629, Гарлем, Музей Франса Халса) и одноименную работу Ф. Халса (1628—1630, Лувр). Что же касается женских типов, иронически сниженно описанных Витсеном: «Из всех домов показывались молодые женщины, они были разодеты и некрасиво напудрены, но, когда мы подходили, — убегали и не хотели появляться» [11, с. 36], то в один ряд с ними можно поставить образы Халса «Малле Бабе» (ок. 1629—1630, Берлин, Государственные собрания) и «Цыганочка» (ок. 1628—1630, Лувр).

В модальности интереса-неприятия иностранный путешественник составляет каталог наблюдений, в котором зачастую соседствуют явления, несопоставимые по рангу и масштабу (у Витсена, например, — праздник Богоявления и русский мат). Однако и в этих стихийных каталогах отражаются основные элементы, составляющие традиционную культуру тверитян: зависимость менталитета от погодных условий, циклическое восприятие времени (сезонные циклы), патриархальность семейно-бытовых отношений, культура праздников и культура повседневности.

В этом смысле иностранные травелоги являются одним из источников сведений о тверской традиционной культуре и этнографии, как и о русской традиционной культуре и этнографии в целом. Это обстоятельство побудило отечественных исследователей второй половины XIX в. обратиться за свидетельствами о русских древностях, наряду с русскоязычными, к иностранным источникам. Не случайно записки датских посланников А. Роде (1659) и Ю. Юля (1709) были изданы на русском языке раньше, чем на языке оригинала: для русских они были важнее, чем для датчан.

В первых русских травелогах рубежа XVII—XVIII вв. информация о русской традиционной культуре отсутствует. Русские просто не воспринимали свою культуру как объект для описания. На протяжении XVIII в. русский травелог бытовал, за редкими исключениями, в трех жанрах: гранд-тура, ученой экспедиции и представительского вояжа. Если в этих жанрах и фиксируется традиционная культура, то непременно культура чужая: народы Европы, Святой Земли или окраинные народы Российской империи. Культура народов Европы описывается в иностранных травелогах русских дворян субъективно и стихийно. Культура Святой Земли отражается в дневниках паломников под влиянием религиозного канона. Культура окраинных народов Российской империи стала предметом научного исследования ученых Императорской Академии наук: С. П. Крашенинникова, И. П. Фалька, П. С. Палласа, С. Г. Гмелина, В. Ф. Зуева, И. И. Лепехина, И. Г. Георги. Работая по плану Академии наук, они

сообща выработали механизм описания чужой традиционной культуры как предмета специального внимания. В своих записях они пользовались вопросниками, которые были составлены с учетом рекомендаций В. Н. Татищева [10, с. 38]. Выявляя, описывая, показывая обнаруженный «народ», путешественник называл его, затем локализовал в сложившейся физической и ментальной картине мира и определял его место в иерархии «народов». Однако факты русской традиционной культуры и этнографии в XVIII в. не замечались и не фиксировались. Русские, по мнению ученых Академии наук, не поддавались типологизации потому, что в территориальном отношении они жили слишком рассеянно, а в этническом были слишком пестрым народом, для того чтобы быть воспринятыми как единый этнос [2].

Предметом специального внимания и описания русская традиционная культура и этнография впервые становится в путеводителе И. Ф. Глушкова «Ручной дорожник» (1801) [11, с. 145–170]. Разумеется, уже в дневниковых записках А. Т. Болотова (1770) были замечания об этнографии и культуре Тверского края [11, с. 65–87], но этот домашний дневник не предназначался для печати и публичного чтения и не мог оказать никакого влияния на общественное мнение. Книга же Глушкова в первом издании была адресована супруге Александра I Елизавете Алексеевне, которая отправлялась в поездку из Петербурга в Москву на церемонию коронации. Таким образом, импульсом для возникновения этнографической составляющей в русских путеводителях явилась необходимость познакомить иностранку с русской культурой. Не случайно позже в расчете на широкого иностранного читателя путеводитель был переведен на немецкий язык. При переиздании в 1802 г. книга Глушкова становится фактом русской массовой литературы — путеводителем для широкого читателя, и цель ее по сравнению с первым изданием меняется. Отныне она объясняет русскому читателю то, что он сможет увидеть и услышать по дороге из Петербурга в Москву.

Нам неизвестны ни источники книги Глушкова, ни современные ему прецеденты в этом роде. Появившееся ранее «Путешествие <Екатерины II> в полуденный край России» (1786), составленное К. И. Габлицем [11, с. 134–138], в этнографическом отношении с ней несравнимо. Судя по всему, Глушков был первым русским путешественником, который составил историко-культурную и этнографическую карты Петербургско-Московского тракта, то есть главной дороги между новой и старой столицами. Понимание этого позволяет вполне оценить огромный вклад Глушкова в формирование российской национальной идентичности.

Глушков описывает традиционную культуру и этнографию четырех губерний, лежащих на Петербургско-Московском тракте: Петербургской, Новгородской, Тверской и Московской, справедливо уделяя самое большое внимание Тверскому краю, поскольку здесь путешественник проезжает не только через губернский, но и через два уездных города, меняя лошадей на восьми станциях. Смелость Глушкова-этнографа проявилась в том, что для характеристики жителей Центральной России он применил разработанные Академией наук принци-

пы описания народов имперских окраин: лопарей, самоедов, чухонцев, финнов, тунгусов, татар, калмыков и др.

Содержательной разметкой этого картографирования стал принципиально новый вопросник. Замечания ранних стихийных этнографов — иностранных путешественников XVI—XVIII вв. — носили случайный, ситуационный характер, теперь мы видим логически упорядоченную программу, ориентированную на целостное представление читателю традиционной культуры и этнографии Центральной России. Программа описаний включает характеристику культуры повседневности, нравов и обычаев, промыслов и «знатности», костюмов и речевого поведения. Именно по этим параметрам читатель Глушкова отныне различал, например, Вышневолоцкий, Новоторжский и Тверской уезды.

Так, в Вышнем Волочке живут водолеи, сходочные и лоцманы. Расположение города в ключевой точке главной водной магистрали Центральной России определяет профессиональную окраску местной традиционной культуры. Главное событие в жизни города — спуск судов — сродни обряду. Локализованное во времени, оно притягивает к себе не только проходящих издалека профессионалов — водных рабочих, но и всех без исключения горожан: «кроме обыкновенных водолеев, коренных и необходимых б́арочных служителей, приходят еще из отдаленных краев артели сходочных и лоцманов. Полагая на каждое судно по нужде до 15 человек, возрастает иногда надобность в работниках до такой необходимости, что женщины вступают в сию должность». Действо не предполагает наблюдателей, но требует от каждого участия: «как для известия о спуске ударят в барабан и выставят флаг, всё мгновенно приходит в движение: рабочие садятся в свои места, лоцманы изготавливают снасти, купцы делают расчеты, запасаются поспешно надобностями, всё суетится, всё шумит, везде работа, везде гул раздается». Начинается обрядовое действо с молитвы к св. Николаю Чудотворцу, которого русские путешественники считали своим покровителем: «все стоящие на своих местах лоцманы с рабочими людьми молятся и призывают Бога в помощь, а Николу в путь, — а потом на барке, назначенной к отвалу, ударяют сильно в потеси, весьма искусно спускаются в шлюзные ворота». Финал действия отмечен особыми песнями (Глушков не приводит названий) и характерным исполнением: «на быстром бегу воспевают радостные песни». Ликующий характер отличает песни спуска от сдержанного пения волочан во внеобрядовых ситуациях, ср.: «Первейшее удовольствие мужчин и женщин состоит в песнях, которые мужчины поют громко, но стройно; женщины ж тихо, согласно и весьма жеманно» [11, с. 149–150]. Обрядовая исключительность спуска остро воспринималась наблюдателями: А. О. Ишимова, посетив город в середине лета и не застав спуска, писала, что «надобно посмотреть Вышний Волочек весною и в начале лета, в дни спуска в каналы судов» [11, с. 264]. Для автохтонов же спуск был частью повседневной культуры, что отразилось в профессиональной поговорке волочан «Здесь вода в кармане, а спуск на барабане» [11, с. 148].

В Торжке, продолжает Глушков этнографическое картографирование, живут купцы и ремесленники — кожевенники и строители. Профессиональный состав населения Торжка и специфика его повседневной культуры обусловлены расположением города на древнейшем торговом тракте: «Купечество новоторжское, будучи весьма богато, производит великие торги к Санкт-Петербургскому порту хлебом, юфтью, салом и другими товарами; также имеет в городе множество кожевенных, солодовенных и уксусных заводов; да и вообще все жители весьма деятельны: мужчины и женщины занимаются шитьем кожевенных товаров, а некоторые из первых — хорошие каменщики, штукатуры или черепичные мастера» [11, с. 156]. Такой коллективный профессиональный портрет горожан предваряется описанием панорамы Торжка. Поначалу это описание воспринимается как статистический градостроительный очерк — обычный раздел любого путеводителя. Но при таком завершении оно обнаруживает и социально-деятельностный смысл — стремление новоторгов утвердить свою локальную идентичность: это город-дом, любовно построенный ими для себя, для собственного процветания и благополучия. Гордость за новоторжских мастеров звучит и в описании главной святыни города — Борисоглебского собора: «огромный храм, одному только или двум по превосходной архитектуре в России уступающий, построенный на иждивение Великия Екатерины и граждан собственными новоторжскими художниками, по плану архитектора Буци» [11, с. 154]. Искажение информации здесь представляется значимым: новоторжский архитектор Ф. И. Буци лишь руководил строительством собора, автором же проекта был уроженец новоторжской земли, известный петербургский и московский архитектор Н. А. Львов; этот факт подтверждают авторская гравюра «Борисоглебский собор в Торжке» (1785) [5, с. 305, 330; 6, с. 27, 68, 81] и авторское же письмо к А. Р. Воронцову от 26.06.1785 [4, с. 326]. Вряд ли Глушков этого не знал. Очевидно, намерение автора прославить новоторгов-строителей возникло под влиянием местной фольклорной традиции и восходит к городским устным рассказам о Буци и его помощниках, также запечатлевшим стремление новоторгов к утверждению профессиональной идентичности. Устные рассказы положили начало формированию литературного мифа о Буци: вслед за Глушковым В. А. Жуковский (1831), И. А. Дмитриев (1839), путеводители второй половины XIX в. называют Буци создателем Борисоглебского собора [12, с. 122, 227].

Тверь на этнографической карте Глушкова представлена сословными портретами дворян, купцов и мещан. При всем их различии, их повседневность описана в модальности безбедного существования и заведомой успешности: «Купцы тверские весьма зажиточны и отправляют знатным количеством в Санкт-Петербурге на барках хлеб, пеньку, сало, масло и другие товары; а притом и в самом городе производят большие торги; мещане же, занимаясь рукодельем или хождением на барках, все вообще имеют безнуждное пропитание; особливо женщины — хорошие домоседки и огородницы. Каждая продажею капусты, огурцов, картофеля и другой зелени не только довольствует себя нарядами, но часто иная кормит ленивого мужа и дом содержит. Зимой все

женщины без исключения, от шестидесятилетней старухи до пятилетней де-вушки, вяжут для простого народа особливим узлом шерстяные чулки и рука-вицы, называемые вариги или вязенцы, коих расходуется в продажу по окрест-ным селениям и городам на весьма знатную сумму». Атмосферой всеобщего благоденствия оправдывается и беспечная дворянская праздность, описанная автором от лица тверской девицы [11, с. 166, 159–163]. И хотя это описание стилистически тяготеет к прозе русского сентиментализма, в целом этнографи-ческий образ Твери у Глушкова восходит к фольклорным представлениям о земле обетованной и золотом веке, что и отличает его от трудовых, деятельных образов Вышне-го Волочка и Торжка.

Ориентация этнографического образа Твери на универсальные мифоло-гемы земли обетованной и золотого века опирается у Глушкова на местную фольклорную традицию. Излагая историю города, автор акцентирует не время его основания великим князем владимирским Всеволодом Георгиевичем, но период его возобновления после золотоордынского нашествия первым удель-ным князем тверским Ярославом Ярославичем. Рядом с историческими факта-ми Глушков приводит связанную с именем князя легенду об основании Твер-ского Отроча монастыря — одной из древнейших святынь Твери. Известно не-сколько вариантов этой легенды [8; 12, с. 150–154]. Та версия, которую предла-гает читателю Глушков, а вслед за ним повторяет И. А. Дмитриев (1839) [12, с. 150–154], имеет два ключевых мотива. Один связан с основанием города: «Громкие клики радостного народа раздались по селу в провожании государя с молодой супругой <Ксенией> в новосозданный город Тверь». Другой мотив свя-зан с основанием монастыря: «государь над прахом его <отрока Григория> со-зидает монастырь, придавая имя Отрочь, и там отдает последний долг несчастному» [11, с. 169, 170]. Сближение свадьбы князя (1265), строительства города (первое упоминание в летописи 1208–1209; поселение возникло раньше) и основания монастыря — анахронизм. Отрочь монастырь впервые упоминает-ся в летописях под 1205 и 1206 гг., а с годом женитьбы Ярослава на Ксении связана история его обновления, что отражено в названии распространенной редакции повести в летописных сводах: «В лето 6770 <1265 от Р. Х.> году со-ставлен бысть Отрочь монастырь тщанием и рачением великого князя Ярослава Ярославича Тверского и великия княгини богомудрая Ксении по совокуплении их законного брака в четвертое лето по прошению и молению любимого своего отрока Григория» [8, с. 101]. Совмещение нового этапа в жизни князя с основа-нием монастыря и строительством города восходит к фольклорной традиции и служит доказательством избранности героя и места. Известно, что в с. Едимонове и его окрестностях и во второй половине XIX в. активно бытовали подобные предания о князе Ярославе и его сыне Михаиле Ярославиче. В отно-шении других городов Тверского края Глушков таких историко-легендарных экскурсов не приводит; легенда об основании Отроча монастыря — единствен-ная в этом жанре, что создает впечатление избранности столицы древнего кня-жества.

К фольклорной традиции восходит и образ Твери, блаженствующей в гармонии небесного и земного, сакрального и мирского: «Там из-за синих сосен проглядывает Малицкий монастырь, здесь в тумане блещет златоглавый Желтиков <Тверской Успенский Желтиков монастырь>, недалеко на тихой Тьмаке безмолвствует убежище Христовых невест <Христорождественский женский монастырь>, близко, под густыми ветвями лип и кленов, окруженный шумящими каскадами, красуется Архиерейский дом <летняя резиденция тверских архиереев Трехсвятское с архиерейским домом>, еще ближе на крутом берегу Волги виден Вокзал <публичный сад на берегу Волги>; вокруг же всего разбросаны деревеньки, мелькают загородные дома — и всё это в один миг и на одной плоскости представляется взорам. Посредине сей долины возвышается самый город, не гордостью пышных домов и огромных башен, но привлекательно скромностью, прелестною посредственностью и как бы милою нежностью украшенный» [11, с. 160]. Если в легендарной версии истории города нарушены временные связи, то здесь смещены пространственные отношения. Этот образ схож с эмблематическим изображением Твери на средневековых гравюрах и рисунках из альбомов С. Герберштейна, А. Олеария, А. Мейерберга, К. Нике [11, с. 22, 90; 9, с. 178]. Эту традицию продолжил и иллюстратор «Ручного дорожника» С. Ф. Галактионов, распространив ее на изображения всех городов Тверского края [11, с. 153, 214, 243]. Основанный на свойственной лубку модели стяжения пространства, этот обобщенный образ в своей конкретике восходит, очевидно, к бытовавшим во времена Глушкова устным рассказам о Твери, адресованным путешественникам и гостям города; сравн. [12, с. 85–93].

Глушков вводит в этнографические картины городской повседневности местные промыслы и «знатности». Вышневолоцкий продукт — тонкий лен и холсты редкой белизны, новоторжский — «хорошие козлиные кожи, тюфяки, чемоданы, портфели, маленькие бумажники и всякой кожевенной товар», тверской — хлеб, пенька, сало и масло, а также уже упомянутые вариги/вязенцы. Помимо изделий местных промыслов, тверские города различаются и кулинарными традициями: Вышний Волочек славен рыхлыми булками-ва́ленцами, Тверь — «жемками — крупитчатыми, на меду, с разными пряными кореньями, весьма вкусными и, как снег, белыми пряниками <...> разных видов: коврижки (четвероугольные), рижики (круглой фигуры), стерлядки (рыбки), жемки (квадратные маленькие пластинки), горох и крупа» [11, с. 150, 156, 166]. В отличие от позднейшей индустрии туризма, Глушков осмысляет эти артефакты как свидетельства уникальности местной традиционной культуры — *color local*, постигать который нужно на месте, в непосредственном общении с носителями традиции, в контексте их этнографически окрашенной повседневности.

Нравы, костюмы и речевое поведение горожан составляют, по мысли Глушкова, органичную часть традиционной культуры и входят в его программу этнографического просвещения читателя. Вышневолоцкие девушки «в осенние и зимние вечера, собравшись во множестве в большую комнату, занимаются иногда до 3 часу за полночь работою, прогоняя скуку песнями, пляскою и дру-

гими веселостями, что по их называется поседки или беседа, которую посещают и молодые мужчины». Новоторжские девушки в своем поведении более свободны: они «любят гулять и никогда не скрываются. В праздничный день крепостной вал покрыт ими, а следовательно, и молодыми мужчинами». Тверские красавицы предпочитают поездки в гостиный двор, обеды в дружеских собраниях и визиты, а вечер проводят в театре, на бале или публичном парке Вокзал. Впрочем, эта свобода не вредит нравственности тверской молодежи, гарантом которой служит забота старших: «Нравственность в купеческом и мещанском состоянии примерная. Каждый отец с особливим рачением воспитывает сына своего богобоязливым, кротким, почтительным, не мотом и для укоренения заранее во всех оных добродетелях, а особливо в постоянстве женит его в молодых летах — в 14 или 16 лет. Между девицами примечается также отличительная нравственность. Никогда хорошо воспитанную девицу не увидишь одну в публичном месте, а чтоб идти ей на гулянье, в церковь или в гости, то неотменно провожает ее замужняя женщина». Большую свободу тверские девушки получают в дни традиционных гуляний, когда им позволяется невеститься под опекой старших замужних подруг. Глушков описывает традиционные петровские гуляния: «Славное девическое гулянье бывает в Твери после Петрова дня 3 или 4 недели сряду. Тогда каждая в прошлой мясоеде вышедшая замуж молодая собирает к себе в гости прежних подружек, которых менее 12-ти редко бывает, и с ними, одетыми как можно богаче, прогуливается по улицам, крепостному валу или публичным садам. Прекрасный обряд! 12 или 20 девушек в пребогатых уборах составляют линию, которую ведут две или три молoduшки — какая благопристойность, тихость и учтивость их сопровождает!» [11, с. 150, 157, 162, 166–167].

Информативны и описания традиционных костюмов. Волочанки «носят из разных шелковых материй одежду, сзади несколько бористую, спереди пуговицами застегнутую, обложенную кругом цветными лентами, а у богатых золотыми кружевами и позументами, называемую сарафан; рубашки тонкие, кисейные, большею частью длиннорукавные, весьма морщиновато на руку набранные; головной убор — девицы золотую, широкую, иногда низанную жемчугом ленту с цветными широкими назади лопастьями, а замужние ту же ленту, но уже с пришитою к ней задницею, сверх которой накрывают голову наподобие большой простыни кисейным, весьма хорошо вышитым покрывалом». Новоторки привержены «седой древности во всей ее оригинальности»: «Главная их одежда есть весьма узкий, под шеей плотно стянутый, короткий до колена сарафан из золотой, шелковой или китайчатой материи, а больше из сукна сделанный. Рубашка всегда долгорукавная с набором. На голове низанный жемчугом или золотой кокошник (точная плоскодонная круглая чашка), имеющий сзади на ладонь шириною спуск подзатыльник. В таком наряде внучка с прабабушкой за 200 лет очень сходны, и ужасное преступление было бы сделать какую перемену!» Тверитянки, напротив, допускают в традиционном костюме вольности и умеют показать свои прелести: «Каждая здешняя девица,

имея тонкий стан, носит с длинным, в пол-аршина подолом, наперед застегнутое пуговицами, а назад бористое платье, называемое фerezи, у которого маленькая спинка соответствует нынешним Санкт-Петербургским модным. Рубашка у них тонкая, кисейная, имеет пышные рукава с дорогими из кружев манжетами и обнажает прекрасную грудь, украшенную крупным жемчугом. Высокая грудь подпоясана лентою, из-под которой опускается богатый передник, а голова украшена высокою, низанною жемчугом повязкою. В таком милом наряде, в котором обозначивается стройный стан со всеми его нежностями, и с такою ловкою походкою, как тверянки умеют ходить, каждая привлекательна. Платье у замужних женщин подобное же, с отличием только головного убора. Они на голове носят почти вертикально стоящую из толстой бумаги доску, вышиной в $\frac{3}{4}$ аршина, выложенную золотыми гасами и жемчугом, которой фигура вверху круглая, оканчивающаяся внизу, у ушей, прямыми углами. Сей тягостной, как сами они признаются, убор называется кокошник» [11, с. 150, 156, 167].

Традиционно и речевое поведение горожан Тверского края. Так, волочане акают и якают: жадная, жадобная, нявистушка; новоторы произносят [и] ударный на месте литературного [э] и цокают; в целом чистая речь тверитян изобилует учтивой присловицей -ста. Представляя традиционные наряды горожан в контексте обряда, Глушков сохраняет этот принцип и в описании их речевого поведения: волочане говорят о работе и отдыхе: «Дядя Пантялий нынешняя ли та три путины схадил <...> Дивки! пайдиоти ли вы на бясиду?»; новоторки обсуждают гуляния: «вчорась всю ночь Яшка да Ванька проиграли в балалайку, а мы пили писни»; тверитянки ведут бытовые беседы. Характеризуя речь новоторов и тверитян, Глушков приводит про новоторов пословицу-дразнилку: «Нашей рицы цыщи в свицы нит» (Нашей речи чище в свете нет), а про тверичей — анекдот-дразнилку [11, с. 151, 157, 167–168].

Этнографическая карта Глушкова сориентирована на Петербурго-Московский тракт, потому что именно этим путем следовал массовый путешественник. Именно на этом пути Глушков-этнограф учил читателя видеть и слышать. В это же самое время другие инициативные путешественники, например Ф. Н. Глинка [11, с. 171–240], осваивали другие пути и делали собственные наблюдения — над локальной этимологией, тверскими приметам, фольклором. Однако все эти наблюдения менее поддаются типологизации, поэтому мы предпочитаем проследить дальнейшее развитие этнографического картографирования Тверского края на материале травелогов Петербурго-Московского тракта.

В 1810 г. этим трактом едет в Петербург М. Н. Волконская, будущая мать Л. Н. Толстого. Главные ее дорожные впечатления — завидовские котлеты, Волга в Твери и новоторжская сафьянная сумочка. В этом ряду примечательны два рассказа. Первый принадлежит сторожу Казанской часовни близ Вышнего Волочка об обретении иконы Казанской Божьей Матери. Рассказывая о чуде, сторож подменяет дату обретения образа (70 лет назад) возрастом иконы (около

200 лет), вольно или невольно увеличивая святость образа, что позволяет отнести рассказ к разряду легендарных. Второй рассказ принадлежит «добренькой старушке» из Едрова о якобы гостившем у нее Александре I: «Она стала известна хорошим своим хозяйством и рассказывала нам, что императорская фамилия, проезжая здесь, останавливается у нее; что государь разговаривает с нею и называет ее бабушкой, что она потчивает его блинами и пирогами и что он всякий раз жалует ей по сту рублей; но, примолвила она с простосердечием, не деньги дороги, но то, что я вижу под своею крышкою такого гостя» [12, с. 79, 81]. Созданный под свежим впечатлением от пребывания императора в начале июня 1810 г. в Твери у великой княгини Екатерины Павловны, рассказ основан на фактах, но подает историю домашним образом. Эта модальность свидетельствует о фольклоризации событий. Вскоре образ Александра I обратит в тверском локальном тексте и другими полумифическими сюжетами: о «пожарских» котлетах, отведенных императором то ли в Осташкове, то ли в Торжке и чрезвычайно ему понравившихся, о катаниях по Твери «с колокольным звоном и принцем Ольденбургским на запятках», о посаженном в тверском парке Вокзал дубе и др. [12, с. 85–103]. Очевидно, всё это фольклорные тексты, но в качестве фактов народной культуры они пока еще не осмысляются. Но уже автохтоны желают поделиться фольклорно-этнографическими достопримечательностями, путешественники стремятся зафиксировать их.

В 1822 г. диалектологическая экспедиция З. Доленга-Ходаковского уточняет лингвокраеведческие наблюдения Глушкова, отмечая в тверских говорах чоканье, цоканье, метатезу с/ш и другие особенности [3, с. 27–28]. Материалы этого профессионального обследования Тверского края позже вошли в путеводители и справочники для массового путешественника; их, в частности, учли в своих травелогах И. А. Дмитриев и А. О. Ишимова.

Личные же наблюдения путешественников 1820—1830-х гг. зачастую сводятся лишь к упоминанию о местном народном продукте. Это связано с изменением географии воспринимаемой путешественником народной культуры: чем комфортнее становится передвижение по Петербургско-Московскому тракту, тем существеннее сокращается время пребывания в пути и, соответственно, уменьшается количество необходимых остановок, в числе которых отныне устойчиво фигурирует лишь Торжок (реже Тверь). С ростом комфортабельности пути возникает вера в возможность частых путешествий, что провоцирует путешественника отложить знакомство с народной культурой того или иного места до некоего следующего раза. В результате резко снижается неповторимость путешествия как открытия нового здесь и сейчас — того самого открытия, которое составляло главную мысль путеводителя Глушкова. Именно поэтому заметки путешественников, совершенно разных по типу личности и роду занятий, при описании одного и того же локуса (например, Торжка) утрачивают уникальность и во многом совпадают.

А. С. Пушкин (1826) упоминает пожарские котлеты и новоторжские шитые золотом поясы в письмах [7, т. 3, с. 34–55; т. 13, с. 561]. П. И. Сумароков

(1838) привлечен новоторжской приманкой: «лавка с сафьяновыми изделиями, сапожками, башмаками, ридикулями, футлярами и др. Женщины, девки вышивают золотом, серебром, и мимолетные посетители раскупают товар для подарков» [12, с. 129–130]. Им обоим вторит М. П. Жданов (1838): «В Торжке два предмета заслуживают особенного внимания: во-первых, сафьянные изделия, шитые золотом и серебром и развозимые по всей России. Почти все женщины среднего сословия занимаются здесь этой работой. В магазинах, находящихся при гостиницах, товар так же дорог, как в Петербурге и в Москве; в других же лавках можно получить шитые сапоги, башмаки и прочие вещи гораздо дешевле. Второй предмет относится до гастрономии: в гостинице Пожарской готовятся очень вкусные котлеты; они делаются из курицы и тают во рту: советую всем проезжающим чрез Торжок покушать их. Порция, или две котлетки, стоят только рубль» [11, с. 260]. Пожарские котлеты упоминает в своем путешествии с Н. В. Гоголем и С. Т. Аксаков (1839) [12, с. 141].

В этих заметках можно видеть развитие идей Глушкова, который акцентировал традиционный локальный продукт. Вместе с тем для многих новоторжское золотное шитье — это просто красивые вещи, хотя пока еще этнографические: их покупают именно в Торжке и осмысляют как часть локального текста, зная при этом, что в Москве они стоят значительно дешевле. Контекстуально значимо добавление Жданова, фиксирующее блюда традиционной локальной кухни по Петербургско-Московскому тракту: «на станции Померанье угощают славными вафлями, а в Яжелбицах — форелью» [11, с. 260]. Исторически значимо и уравнивание народного промысла (кожевенный товар, золотное шитье) и авторской кухни (пожарские котлеты). Котлеты Д. Е. Пожарской не случайно осмысляются как традиционный локальный продукт: они заполняют ту лакуну, которую выявил Глушков, не обнаружив в Торжке традиционного местного блюда.

Локальный текст города, развернутый и многосоставный в программе Глушкова, у многих путешественников 1830-х гг. сужается до локального текста гостиницы. Котлеты привязаны к гостинице Пожарских уже не по авторству, как у Пушкина — «у Пожарского», а по месту — «в гостинице Пожарских», там же, где сапоги. Значит, котлеты в это время воспринимаются путешественниками как этнографизм — такая же часть местной народной традиции, как и сапоги. В процессе фольклоризации пожарские котлеты обрастают легендами, которые привязывают историю их изобретения к разным локусам и эпохам. Наиболее примечательно возведение «родословной» котлет к князю Пожарскому: существование рецепта на протяжении якобы двухсот лет делает котлеты неоспоримым фактом традиционной культуры, утверждает их в качестве вечного атрибута Торжка.

Постепенно локальный продукт: сапоги и котлеты, по точному выражению П. И. Небольсина [11, с. 326], кушанья и сувенирные изделия местных промыслов, — вытесняет из поля зрения путешественников другие факты народной культуры. Глушков советовал наблюдать во время прогулок по горо-

ду обычаи, нравы, костюмы, речевое поведение, но всё это не входит в «репертуар» гостиницы Пожарских, как и любых других гостиниц. Уроки Глушкова, ориентированные на путешественника, который стремится путешествием повысить свое знание традиционной народной культуры, по сути дела провалились, поскольку реальный путешественник этих уроков почти не слышит. Локальный продукт как метонимия народной культуры становится предметом своеобразной моды: его необходимо знать, отведать, купить в подарок. «Скажи княгине, — пишет Пушкин П. А. Вяземскому, жене которого купил в Торжке поясы, — что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы» [7, т. 13, с. 305]. Красота золотного шитья отвлечена, оторвана от этнографических корней.

Проблема распада традиционной народной культуры и утраты народных корней была осознана в 1830—1840-е гг. в рамках государственной политики, основанной на известной уваровской триаде «православие, самодержавие, народность». Ф. Г. Солнцев во время художественно-археологической экспедиции по городам России посещает Вышний Волочек, Торжок, Осташков, Ржев, Тверь, Корчеву и запечатлевает тверской костюм 1830-х гг. Эти материалы были опубликованы в издании «Древности Российского государства» (1849—1853), осуществленном при поддержке Николая I. Солнцев готовил рисунки, а подготовку текста осуществили А. Ф. Вельтман и И. М. Снегирев. Значительно больше тверских материалов вошло в альбом Солнцева «Одежды Русского государства» (1869) [11, с. 255–258, цветная вкладка]. Консервационный и консервативный характер этого проекта очевиден. Но историко-культурное значение проекта представляется нам несомненным, хотя исполненные Солнцевым работы имеют в существенной степени декоративный характер.

Следующий этап освоения этнографического материала в путешествиях по Тверскому краю связан с книгой А. О. Ишимовой. Опираясь на книгу Глушкова, она создает путеводитель для детей (1844) [11: 263–281]. В нем в адаптированном виде описаны те же ценности традиционной культуры, что и у Глушкова. Предполагалось, что дети освоят их, как и рекомендовал Глушков, во время неспешной прогулки по городу — наблюдая повседневную жизнь простолудинов, разглядывая их наряды, слушая народные говоры, а вернувшись в гостиницу, в порядке закрепления урока скушают пожарскую котлетку и тверской печатный пряник. Очевидно, предполагалось, что эти действия взрослых должны заложить в сознании ребенка представления о ценностях народной культуры.

Уроки Ишимовой оказались столь же неубедительными для детей, как и уроки Глушкова для взрослых. Среди детей, которые выросли на книгах Ишимовой и были ровесниками ее подопечных в этом путешествии, был педагог И. Д. Белов. В числе его работ по родино- и отечествоведению есть и детский травелог «Поездка на Урал» [1]. Герой этого травелога мальчик Володя отправляется вместе с матерью из Петербурга на Урал. Они останавливаются в Твери, Володя мечтает о тверских пряниках (духовные ценности он не упоминает), но

мать не покупает ему пряники, объясняя свое решение его непослушанием. По педагогической системе Белова выходит, что знакомить с традиционной народной культурой через общение с ее артефактами следует лишь послушных детей.

Как известно, «традиционность культуре дает не вещественный субстрат, а сознание ее носителей» [15]. Строительство железной дороги и дальнейшие технические новшества не разрушили традиционной культуры и сознания ее носителей, но способствовали тому, что она сместилась на периферию внимания стороннего наблюдателя, практически выпала из поля его зрения. Формирование этой тенденции отметил еще Пушкин в своем шутливом кулинарном травелоге «У Гальяни иль Кольони...», об этом же в середине XIX в. писал П. И. Небольсин. Было всё это еще до пуска железной дороги, поэтому причина такой переоценки ценностей кроется не в техническом прогрессе, а в сознании путешественников.

Список литературы

1. Белов И. Д. Поездка на Урал // Рождественские рассказы для детей, с рисунками / изд. И. Белова и редакции «Детского сада». СПб.: тип. Департамента уделов, 1871. Вып. 2. С. 72—103.
2. Вишленкова Е. А. Тело для народа, или «увидеть русского дано не каждому» // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 64—99.
3. Донесение о первых успехах путешествия в России Зорияна Долуга-Ходаковского. Из Москвы 13-го липца 1822 // Русский исторический сборник. М.: Универ. тип., 1844. Т. VII. С. 27—28.
4. Львов Н. А. Избранные сочинения / предисл. Д. С. Лихачева; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского; перечень архитектур. работ Н. А. Львова подгот. А. В. Татаринным. Кельн; Веймар; Вена: Белау; СПб.: Пушкинский Дом, РХГИ, Акрополь, 1994. 395 с.
5. Милюгина Е. Г. Обгоняющий время: Николай Александрович Львов — поэт, архитектор, искусствовед, историк Москвы. М.: Русский импульс, 2009. 360 с.: ил.
6. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Гений вкуса: Н. А. Львов. Итоги и проблемы изучения: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. 278 с., 52 ил., портр.
7. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 16 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. Т. 3. Кн. 1. 1948. 635 с.; Т. 13. 1937. 651 с.
8. Семячко С. А. Повесть о Тверском Отроче монастыре: исследование и тексты / отв. ред. Р. П. Дмитриева. СПб.: Наука, 1994. 136 с.: ил.
9. Соколов И. И. Тверской край в XVI—XVII вв. по описаниям иностранцев / подгот. текст и коммент. П. Д. Малыгин, А. Ю. Сорочан, М. В. Строганов // Литература Тверского края в контексте древней культуры: сб. ст. и публ. / отв. ред. М. В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2002. С. 118—179.
10. Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М.: Географиздат, 1950. 248 с.
11. Тверь в записках путешественников XVI—XIX веков / составление, вступительная статья, биографические справки, подготовка текста и комментарии Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2012. 416 с.: ил. + 16 с. цв. ил.
12. Тверь в записках путешественников. Выпуск 2: записки XVIII—XIX веков / составление, вступительная статья, биографические справки, подготовка текста и комментарии Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2013. 436 с.: ил. + 16 с. цв. ил.

13. Тверь в записках путешественников. Выпуск 3: Водные пути Верхней Волги. Вторая половина XIX — начало XX века / составление, вступительная статья, биографические справки, подготовка текста и комментарии Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2014. 464 с.: ил.
14. Текст пространства: материалы к словарю / авт.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. Тверь: СФК-офис, 2014. 368 с.
15. Тимощук А. С. Онтология и аксиология традиционной культуры // Журнальный клуб «Интелрос»: Ориентиры. 2006. № 3 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/>. Дата обращения: 12.06.2013. Загл. с экрана.

Об авторе

МИЛЮГИНА Елена Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка с методикой начального обучения ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», председатель Совета Тверского областного краеведческого общества, Тверь; e-mail: elena.milyugina@rambler.ru